

Ознакомительные фрагменты из готовящейся книги

ФРАГМЕНТ 1.

Если принять численность революционеров 1822-1825 гг. за 100%, то в 1814-1817 гг. их было 12,0%, в 1818-1821 – 43,8%, в 1826-1829 – 24,0%, в 1830-1833 – 23,6%, в 1834-1837 – 8,9%, в 1838-1841 – 2,1%, в 1842-1845 – 4,1%, в 1846-1849 – 27,1%, в 1850-1854 – 3,1%, в 1855-1858 – 15,4%, в 1859-1862 – 289,7%, в 1863-1866 – 175,0%, в 1867-1870 – 107,9%, в 1871-1874 – 681,5%, в 1875-1878 – 1173,1%, в 1879-1882 – 1455,5%, в 1883-1886 – 1458,9%.

Общая картина эволюции численности такова – быстрый рост с 1814 по 1825 гг. (в 8,34 раза), затем постепенное снижение с 1826 по 1837 гг. причем в 1826-1833 гг. численность участников освободительного движения остается довольно значительной, резкий спад в конце 30-х – начале 40-х гг., относительный подъем в 1846-1849 гг. (дело петрашевцев, Кирилло-Мефодьевское общество), новый спад в конце 40-х – начале 50-х гг., бурное возрастание численности в 1859-18862 гг. (в 18,8 раза по сравнению с предшествующим четырехлетием), некоторое понижение численности в середине и конце 60-х годов (впрочем, число революционеров во много раз превосходит среднее за дворянский период) и, наконец, резкое, многократное и непрерывное увеличение в 70-е – 80-е гг. (см. рис. 1).

ФРАГМЕНТ 2.

Офицеры составляли 93,5% членов Союза Спасения (74,2% – гвардейские офицеры, 19,3% – армейские), 61,6% Союза Благоденствия (соответственно 28,0% и 33,6%), 85,6% последующих тайных обществ (33,8% и 51,8%), их было 89,8% среди участников восстаний 14 декабря и Черниговского полка (61,4% и 28,4%).

Между тем, декабристы представляли лишь незначительную часть русского офицерства своего времени, например, в восстании 14 декабря принимало участие только 3,8% штаб- и обер-офицеров гвардейских полков, стоявших в Петербурге.^[1] Из 26424 офицеров и генералов русской армии в 1825 г.^[2] членами тайных обществ и участниками восстаний было всего 169 человек (т.е. чуть больше 0,6%).

Таким образом обычное представление об офицерстве как социальной базе декабризма слишком общо и потому недостаточно содержательно.

---

^[1] Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличий. СПб., 1828, 1, с. 551.

^[2] Прокофьев Е.А. Борьба декабристов за передовое военное искусство. М., 1953, с. 190.

ФРАГМЕНТ 3.

В промежутке между 1817 годом и Московским съездом Союза Благоденствия средний возраст участников движения декабристов возрастает примерно на 4 года, то есть на столько лет, сколько прошло между этими хронологическими вехами. Это значит, что движение пополняло свой состав людьми того же поколения, к которому принадлежали его основатели (табл. 10 приложения).

В 1825 году средний возраст уменьшился по отношению к моменту роспуска Союза Благоденствия на год. Это значит, что движение пополнялось большим количеством лиц, родившихся много позже, чем те, чьи ровесники основали Союз Спасения и составляли большинство в Союзе Благоденствия (см. табл. II приложения).

Те, кто основал Союз Спасения и активно работал в Союзе Благоденствия, представляют другое поколение, нежели те, кто принимал участие в восстаниях. Первые – "дети войны 1812 года", вторые – моложе, примерно сверстники Пушкина.

К 1825 году состав тайных обществ значительно омолаживается в возрастном отношении и становится более демократичным (в смысле офицеров в меньших, нежели раньше, чинах) в социальном. Если в Союзе Спасения армейские офицеры составляли всего 19% членов, в Союзе Благоденствия (к 1825 году) – 39,6%, то в тайных обществах 1825 года их 49%, что в два раза больше, чем доля гвардейцев. Но и офицеры гвардии, в особенности те, кто участвует в восстании 14 декабря – молодежь в невысоких чинах. Из таблицы 19 видно, что структура гвардейского офицерства по чинам сильно отличается как от соответствующей структуры офицеров гвардии, принимавших участие в восстании, так и от структуры гвардейцев – членов тайных обществ.

Восставшие составляли 4% офицерского состава (без генералитета) русской гвардии, но разные группы офицеров были затронуты мятежными настроениями по-разному. 14 декабря активно принимал участие в выступлении примерно каждый восьмой поручик и подпоручик, каждый двадцатый штабс-капитан и только один из каждых 150 штаб-офицеров – полковников, подполковников и капитанов.

ФПАГМЕНТ4

.Обнаруженная нами в рукописном отделе Пушкинского Дома переписка Нечаева с его отцом, родственниками и знакомыми, а также и другие материалы, свидетельствуют о том, что с обычной для него склонностью к мистификации Нечаев создал легенду и о своем происхождении. Он вовсе не был "сыном народа" неграмотным деревенским паренком, самородком, за которого любил себя выдавать. Внук состоятельного владельца красильной мастерской, воспитывавшийся специальным домашним учителем, а позже посещавший ту же частную школу, что и дети крупнейших ивановских воротил, Нечаев был не менее обеспечен, чем большинство его сверстников по освободительному движению. Но тем не менее, среда, в которой он воспитывался, – неглупый, но совершенно бескультурный отец – организатор ивановских банкетов "по случаю", круг приказчиков и семинаристов, постоянное, а не книжное общение с народом, и в связи с этим полное отсутствие пиетета, столь свойственного выходцам из дворянской и чиновничьей среды, презрение к "не знающим жизнь" петербургским товарищам, – резко отличало его от "идеалистов-семидесятников".^[1]

Нечаев чуть старше большинства семидесятников. Но эта незначительная разница в возрасте сыграла важную роль. Глухая провинция, в которой он вырос, общение с кругом "нигилиста" конца 60-х гг. Дементьева как бы задерживали его взгляды, привычки, этические нормы на том уровне, который молодежь в Петербурге уже был преодолен. Он пришелся бы, пожалуй, ко двору в более раннее время – в годы караказовско-иштутинского "Ада", но в атмосфере новых идеологических веяний казался чужим и архаичным. Характерный для "нигилистов" конца 60-х годов "крайний рационализм и математический расчет более наивный, чем любая наивная вера",^[2] сменился страстным народолюбием.

---

^[1] Подробно этого сюжета я касаюсь в статье Лурье, Л. Я. Новое о Нечаеве : по материалам рукописного отдела ИРЛИ \\ In Memoriam : исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / сост.: А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина. – М. ; СПб. : Atheneum – Феникс, 1995.. См. также РО ИРЛИ, ф. 197 (С.Г. Нечаева), ед. хр. 1-24, ф. 124 (П.Е. Щеголева), оп. 1, ед. хр. 5 (материалы к биографии С.Г. Нечаева); Дементьев В.А. Учитель Живучев и купец Галкин. – Воспитание, 1860, №3, с. 139-145 (под именем Володи Галкина в очерке выведен двенадцатилетний Нечаев); Экземплярский П.М. Село Иваново в жизни Сергея Геннадьевича Нечаева. – Труды иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Вып. 4. Иваново-Вознесенск, 1926, с. 5-22; Малицкий Н. К биографии С.Г. Нечаева. – Труды Владимирского губернского Научного общества по изучению местного края. Вып. III (б.г.). Владимир, с. 133-136; Бельчиков Н. С.Г. Нечаев в с. Иваново в 60-е гг. – Каторга и ссылка, 1925, №1, с. 134-156; он же. Из быта литературных кружков 60-70-х гг. – В кн.: Народничество в литературе и критике. М., 1934.

^[2] Короленко В.Г. Собр. соч., т. 6. М., 1954, с. 132.

ФРАГМЕНТ 5.

Рост разрыва в возрасте между руководством и рядовыми народовольцами не был секретом для самих революционеров, отмечавших, что инициатива руководства движением исходила "из того же самого общественного слоя, как и в первую половину 70-х гг., сохраняя даже в значительной степени свой прежний личный состав".^[1] Это вызывало озабоченность: "Где наши легионы? Нас так мало, все старая гвардия, ветераны. Где молодые силы, могущие нас заменить в случае нашей гибели? А именно этих молодых сил... почти не было".^[2]

Среди лидеров "Земли и Воли" и руководителей народовольчества преобладают представители поколения "семидесятников". Но если подавляющее большинство членов ИК Народной Воли и руководителей Черного Передела было своего рода первопроходцами, они, их локальная возрастная группа, впервые вступила на путь действенного народничества в эпоху Большого общества пропаганды (так, например, Желябов, Перовская, Тихомиров) или сразу после ареста пропагандистов, когда движение было временно обезглавлено (А. Михайлов, Плеханов), то рядовые землевольцы и народовольцы вступили на путь революционной борьбы, когда иерархия в революционных организациях уже определялась, и когда они попадали в положение, подчиненное и организационно, и идеологически. "Революционного прошлого у нас не было", т.е. мы не прошли тех фазисов психологического развития, которые были пройдены старшими народовольцами",^[3] – пишет о молодых народовольцах, вступивших на революционный путь во время второй революционной ситуации, их ровесник.

Несмотря на значительный количественный рост движения в целом за счет вовлечения в него новых групп молодежи, вожаки движения пополняли свои потери за счет ровесников. По-видимому, главным качеством руководителя считался революционный опыт.

В законспирированной и централизованной Народной Воле бремя принятия основных программных и тактических решений лежало на руководстве партии – Исполнительном Комитете. Молодые народовольцы, ровесники Гриневицкого и Якубовича, выполняли данные им приказы, не определяя политики партии в целом.

Между тем, аресты среди членов ИК и его агентов приводят к очень быстрому уменьшению ядра революционного народничества (см. табл. 21). Молодые народовольцы не могли дать из своей среды вожаков движения, значительно уступая ветеранам и в революционном опыте, и в самом навыке руководства.^[4]

^[1] Шишко Л.Э. Полн. собр. соч., т. IV. Пб., 1918, с. 160.

^[2] Антекман О.В. Общество "Земля и Воля" 70-х годов. Пг., 1924, с. 324.

^[3] Тырков А. К событию 1 марта 1881 г. – Былое, 1906, №5, с.155. Об отношениях, сложившихся в народовольческой среде в конце 1881 – начале 1882 гг., о "генеральстве" Ошаниной и Тихомирова см.: Стефанович Я.В. Дневник кариийца. СПб., 1906, с. 29; Письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу от 21-22.III.1883 г. – Архив Дома В.Г. Плеханова. АД 4, 263, 18, л. 6-7 об.; о том же писал В. Дебагорий-Мокриевич: "Чинопочитание, которого раньше и в помине не было среди революционеров, теперь оказывалось обыкновенным явлением". Молодые народовольцы "имели своих главарей, которых слушались и от которых ожидали решений по всем сколько-нибудь важным вопросам. Этой молодежи недоставало того страстного отношения к делу, каким охвачены были их старики-главари и которое может овладеть человеком лишь после продолжительной и упорной борьбы" (Дебагорий-Мокриевич В. Указ. соч., кн. 2, с. 295).

^[4] Лето 1881 года – время наиболее острого проявления отрыва ИК от народовольческой массы. Подробнее об этом см.: Лурье Л.Л., Рогинский А.В. неопубликованное письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу. – Учен. записки ТГУ, т. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975, с. 161-208.

ФРАГМЕНТ 6.

За все время «Хождения в народ» примерно 1500 народников не сумели распропагандировать ни одного крестьянина. Яков Стефанович создал «Тайную дружину» в которую к лету 1877 г. было принято 967 мужиков – 12 дружин в 12 сёлах семи волостей.

«В результате буквально за несколько месяцев преимущественно в Шабельницкой, Рацевской, Адамовской, Боровицкой, Трушевской, Чаплицкой волостях Чигиринского уезда удалось создать подпольную организацию численностью около тысячи человек с целью «восстать против чиновников и дворян» и «в одну назначенную для того ночь перерезать всех начальников, панов, попов и богатых крестьян, а также и жидов», а затем изменить порядок «землевладения путем насильственного захвата не принадлежащих крестьянам земель» и раздела их «поровну между всеми жителями данной местности».^[1] Любопытно, что одним из инициаторов идеи поголовного «вырезания жидов», стал еврей Лев Дейч.

Грамота, привезенная Дмитрием Найдой, была именно такой как требовалось – «золотой».

Один из вожаков чигиринцев Лазарь Тененик: грамота «была написана на листе бумаги шириною в 1 приблизительно аршин и длиною в $\frac{3}{4}$ аршина, кругом были полосы желтого цвета, а сверху над ним две печати желтого цвета, из коих одна, по объяснению Найды, государева, а другая печать комиссарова». Антон Комаренко: текст на листе был написан «золотыми буквами». Иван Сыч «показывал и читал [крестьянам] какую-то бумагу с вызолоченными словами и такою же печатью». А шабельницкий отставной унтер Ефим Олейник в разное время вспоминал о бумаге «в роде кардона с золотыми ободками, короною и именно печатью Императорского Величества», по ее краям «была расположена золотая полоска, и близ текста сбоку была золотая печать»^[2]

Нам кажется, что до сих пор упускался местный, украинский контекст «Чигиринского заговора», несомненно игравший в этой мистификации роль главного источника.

Неподалеку от Чигирина находится Матронинский монастырь. Его игуменом с 1753 года был Мельхиседек Значко-Яворский. Вплоть до первого раздела Польши, монастырь находился в составе Речи Посполитой. В 1764 г. православные и протестанты Польши были лишены свободы вероисповедания., над Мотронинским монастырем нависла угроза конфискации в пользу униатской церкви. Для решения этой проблемы Мельхиседек отправляется в Санкт-Петербург — искать защиты у Екатерины II. При дворе русской императрицы. Игумену удалось получить некую бумагу с которой он вначале направился в Варшаву, а потом вернулся в родной монастырь.

В 1768 году начинается Колиивщина – крестьянско-казацкое восстание против поляков, под руководством послушника Мотронинского монастыря запорожского казака Максима Железняка. Железняк во всеуслышание заявил, что Екатерина II якобы призывает вольных казаков выступить против угнетателей православия. Также он убеждал всех, будто у него в распоряжении есть привезенный Мельхиседеком тайный указ императрицы — так называемая «Золотая грамота», в которой этот призыв и зафиксирован^[3]. Эта «Золотая грамота» (скорее всего, подделка, изготовленная монахами и казаками) призывала от имени Екатерины II уничтожить поляков и евреев.

---

^[1] Мауль. С.112

^[2] Цит по В. Мауль «Чигиринский заговор» и крестьянская психология 231

^[3] Е. Ю. Клецкова РОЛЬ МЕЛЬХИСЕДЕКА ЗНАЧКО-ЯВОРСКОГО В КОЛИИВЩИНЕ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ГАЙДАМАЦКОГО ДВИЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ В XVIII в. Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып.

ФРАГМЕНТ 7

Контур будущего договора с Дегаевым возникают уже в разговорах со Стефановичем. Судейкин, изображающий из себя почти революционера, даже сторонника политических убийств, предлагает Стефановичу организовать побег с тем, чтобы тот гарантировал временное прекращение террора (до коронации), так как реформы возможны только при этом условии. Судейкин обещает не арестовывать никого из революционеров кроме Юрия Богдановича, Михаила Грачевского, Савелия Златопольского, Веры Фигнер и Марии Ошаниной. «Народная воля» должна прекратить террор. Власть после коронации созывает Земский собор, объявляют широкую политическую амнистию.

Стефанович, писал Дейчу, что уже готов был согласиться на план Инспектора тайной полиции. Он поставил свои условия – после бегства отъезд за границу, отсутствие слежки. Мотивировал Яков Васильевич свое согласие безнадежным положением народовольческого подполья, тем, что необходима пауза для перегруппировки и спасения в эмиграции тех, кто уже на примете у жандармов.

Когда Плеве узнает от Судейкина об этом плане (если он, что более вероятно, не был осведомлен о нем с самого начала), то не приказывает своему подчиненному прекратить подготовку к побегу, что обязан был сделать, а лишь «советует» Стефановичу «не связываться» с подполковником.

Таким образом, можно предположить, что Плеве весьма искусно и осторожно, с минимальным для себя риском, вел «предварительную обработку» Стефановича, для того чтобы Судейкину было легче с ним договориться о возможном посредничестве в отношениях между полицией и «Народной волей».

Но, кроме этого, у Судейкина были, безусловно, и свои виды на Стефановича.

Для него Стефанович, который, как впоследствии и Дегаев, требовал с ним свидания сразу после ареста, был прежде всего подходящим объектом для реализации давно уже, видимо, вынашиваемого плана: сосредоточить в своих руках и руководство политической полицией и, через подставных лиц, — революционной партией.

Здесь, конечно, возникает вопрос ключевой и для понимания «дегаевщины»: была ли та часть плана, которая предполагала покушения на «реакционную» часть правящей элиты, искренним желанием Судейкина и, возможно, Плеве или это просто способ заставить подследственного сотрудничать. Выдайте своих товарищей, а там, что называется, посмотрим.

Фрагмент 8

22 июня 1883 года в Харькове арестовали типографию «Народной воли» и работавших в ней Феофана Крылова и Анастасию Осинскую Дегаев, незадолго до ареста там побывал, опроверг появившиеся слухи о том, что за типографией следит полиция и приказал перенести туда архив выданной им прежде и арестованной к этому времени Веры Фигнер. Народолец Л.А. Кузнецов писал 22 мая 1935 года историку народовольчества Рувиму Кантору о находящейся у него рукописи, арестованного в Харькове Феофана Крылова «Кошмарное дело», где тот настаивал: «арест народвольческой типографии и его при ней был совершен с молчаливого согласия Л.А. Тихомирова. Точнее: о выдаче этой типографии Дегаевым Тихомиров знал до ее ареста. Не желая дискредитировать партию, Крылов об этом молчал долгие годы»^[1]

---

^[1] РО ПД, ф. 420, №53, с 3 – 3 об.

Фрагмент 9

Для восстановления точной хронологии этой истории необходимо сопоставить четыре источника: дневник Льва Тихомирова за 1883 год (сохранились и опубликованы ежедневные записи от 19 августа по 25 сентября, и выборочно с 16 октября по 6 декабря^[1]); его же позднейшие воспоминания^[2]; мемуарный очерк Льва Дейча, посвященный событиям августа – сентября 1883 года^[3]; рассказ Екатерины Сухомлиной (Тетельман) о разоблачении ею в сентябре 1883 года предательства Сергея Дегаева на глазах Льва Тихомирова^[4].

Итак, в августе 1883 года идеолог «Народной Воли» Лев Тихомиров жил с женой и сыном в деревне Морне близ Женевы. В другом пригороде Женевы – Кларане обитали в это время бывшие чернопередельцы Георгий Плеханов, Вера Засулич и Лев Дейч. Еще один член Исполнительного комитета «Народной воли» - Мария Ошанина и виднейший народнический публицист Петр Лавров находились в Париже. Тихомиров, Плеханов и Лавров входили в редакцию центрального органа народолюбцев «Вестник народной воли», первый номер которого который вскоре должен был выйти из печати.

Между «плехановцами» и народолюбческим центром с лета 1881 года шли переговоры о слиянии, Вера Засулич и Лев Дейч создавали «Красный крест Народной воли», биографии народолюбцев выходили в чернопередельской типографии. Один из руководителей «Черного передела», Яков Стефанович, был, вплоть до ареста в феврале 1882 года, членом Исполнительного комитета «Народной воли».

Переговоры об объединении двух групп шли трудно, народолюбцы в отличие от бывших чернопередельцев, не собирались стать последовательными марксистами; играл роль кружковые пристрастия и честолюбие лидеров – прежде всего Георгия Плеханова и Льва Тихомирова.^[5]

Начинается борьба за получение письма Стефановича, которая продолжается с 22 августа до 2 октября (см. ниже) и кончается тем, что 16 октября 1883 года публикуемое выше письмо и еще одно от 12 марта наконец то оказались у Дейча. Третье – июльское письмо, так и стало у народолюбцев, о чем Дейч не знал.

Одновременно с этими событиями в Париж, а потом и в Женеву приезжает из России предатель Сергей Дегаев. Окончательное (или единственное) разоблачение Сергея Дегаева Льва Тихомировым случилось 13 – 19 сентября 1882 года, о чем свидетельствует дневник Льва Тихомирова («Памятная книжка»).

В своей книге о провокаторах Феликс Лурье напрасно заключает: « О встречах с Дегаевым , ни одной записи в Памятной книжке – нет»^[6]. Этот вывод основывается на ошибке комментаторов воспоминаний Льва Тихомирова Ш.М. Левина и В.П. Алексева. Они атрибутируют двух персонажей дневника «Владимира» и «Владимирова» как одного человека – Владимира Иохельсона^[7].

[1] Воспоминания Льва Тихомирова. М.-Л., 1927, с 155 – 168.

[2] Тихомиров Лев. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000, с.386 – 447.

[3] Дейч Л. О былом и небылицах // Пролетарская революция. 1923, №3

[4] Серебрякова Е.А. Встреча с Дегаевым. // Былое, 1924, №5, с. 68.

[5] Волк С.С. Нароная воля (1879 – 1882). М.-Л. , с 3888-403.

[6] Феликс Лурье. Политический сыск в России. 1649-1917. М.- СПб. 2006, с.191.

[7] Иохельсон, Владимир Ильич (Голдовский) (1855 -1937). Народолюбец. В 1880 г. уехал в Женеву, работал в типографии. В 1883 г. заведовал печатанием „Вестника Народн. Воли“. При возвращении в Россию арестован. В 1887 г. административно выслан в Якутскую область, в Колымск, на 10 лет. Этнограф, исследователь народов Севера.

ФРАГМЕНТ 10

«Заявление» Сергея Дегаева – итог соглашения народовольческого центра с предателем: его не казнят, а выпускают на волю, взамен – ответственность за арестованных и казненных в период «Дегаевщины». берет на себя сам Дегаев.

Однако, довольно быстро, возникает вопрос об интерпретации мотивации предательства совершенного Дегаевым.

Сергею Петровичу и активно выступавшему в его защиту Владимиру Дегаевым картина произошедшего представлялась так. Один из руководителей «Народной воли», Сергей Дегаев, арестованный в Одессе, решает пойти на сговор с Судейкиным не от трусости, а из политических соображений. Он считал возможным, пусть и во временном союзе с инспектором тайной полиции, переформировать находящуюся в глубоком кризисе «Народную волю» и заодно, совершить покушения на нескольких крупных сановников. Такая интерпретация тем более убедительна, что Дегаев, как мы знаем, получил согласие Л.Тихомирова и М.Ошаниной на то, что бы он, некоторое время, продолжал свои отношения с Г.П.Судейкиным.

Позиция народовольческого центра; как только руководство партии узнало о двойной игре Дегаева, оно потребовало от него: Судейкина убить, постараться спасти от ареста тех, кто ему известен, эмигрировать.

Официальная точка зрения «Народной воли» – руководство партии никакого отношения к «дегаевщине» не имеет, она – результат предательства одного человека, становится достоянием общественности^[1].

Сергей Дегаев и примкнувший к нему за границей младший брат Владимир пишут Тихомирову и Ошаниной негодующие и даже угрожающие письма. Вот одно из них от января 1884: «Вы знаете и верите, что я не в последний раз был революционером, а потому не портите моих планов, иначе я буду защищаться и хоть, например, что и другие постольку же виноваты в «знании и недонесении», как я в совершении поступка. Забудьте меня до того времени, когда я сам о себе не напомню опять. Или, если для вас необходимо публично возмущаться, то делайте это так, чтобы немного политики было в факте, а не просто злодейство».^[2]

Эта полемика в то осталась неизвестна общественности, а потом и вовсе прекратилась. «Народная воля» была разбита, Дегаевы искали свое счастье в США, Лев Тихомиров из революционера превратился в монархиста, ушла из жизни Мария Ошанина. И вот, теперь уже на страницах «Былого», превратившийся в Александра Пелла Сергей Дегаев читает рассказы о своем предательстве.

«Воспоминания» – ответ на эти рассказы. Не случайны личные нотки прежде всего против тех, кто пишет о его предательстве – Льве Тихомирове («изменил «Духу Святу» борьбы, ...Сосчитайте жизни, загубленных отступничеством г. Тихомирова, разбитые идеалы, потерянную веру в прогресс, и в порядочность людей»), А.Спандони (молодой человек, который был раньше арестован в Одессе, и которого там знали все сыщики и жандармы. Этот человек был причиной ареста Дегаевых, Суровцева, Коллюжной и др).

Главной виновницей кризиса в «Народной воле» Сергей Дегаев называет преданную им Веру Фигнер : «он никогда не чувствовал себя виноватым перед Верой Фигнер, хотя они и была арестована по его указанию. Причину он эту видел в том, что Фигнер продолжала, вопреки всем указаниям здравого смысла и фактов, вести дело «Народной Воли» по старому плану, не имея ни людей, ни способности руководить этим делом, результатом чего было водворение Судейкина и его игра в революцию, и затем многочисленные аресты, без каких-либо результатов для партии. Ближайшей причиной разоблачения Дегаева был арест его и жены, в чем Фигнер была непосредственно виновата».

Более того – «Тихомиров и Полонская, высказали свое мнение о неумении Веры Фигнер руководить движением, о ее упрямстве и сказали, что игра, которую ведет Дегаев с Судейкиным, очень опасна. Но оба, зная Дегаева, верили ему вполне и выразились в том духе, что его план может повести к новой организации за границей».

Похоже, что Дегаев пишет правду. Почти текстуальные совпадения в инвективах о Вере Николаевне = у теоретика «Народной воли» и у знаменитого предателя. Ни о ком из членов ИК Лев Тихомиров не отзывался так презрительно как о Вере Фигнер: «Вера Фигнер ... была плохой организаторшей, органически неспособной к осмотрительности, не умела различать людей и вечно рвалась к блестящим и трескучим делам; фантазия в ней чрезмерно преобладала над разумом, так что она была настолько же полезна, насколько опасна»^[3]. «У нее было полное отсутствие конспиративных способностей. Страстная, увлекающаяся, она не имела понятия об осторожности. Ее близким другом сделался Дегаев, который впоследствии выдал ее самым бессовестным образом»^[4].

Для понимания роли Тихомирова и Ошаниной в «дегаевщине» ключевой вопрос: продолжительность их сотрудничества с заведомым предателем. В «воспоминаниях» Дегаева точное время его «признания» заграничникам не указано: «летом 1883 года, под предлогом завязки сношений с Тихомировым, он ездил за границу, открыл свою душу этому господину и г-же Полонской». В версии Дегаева май 1883, который часто называется в качестве месяца первой его поездки за границу, никак не может быть временем этого события, ведь , согласно его тексту, это произошло после того, как 22 июня 1883 года была арестована типография в Харькове.

---

^[1] Паныкина М. Ночь после рассвета, с11.С.М. Степняка-Кравчинского в «Общем деле» № 57, 1883, с. 13-14; № 58, 1884, с.12 -13и в «Daily news», публикации в «Times» и в известной в Великом княжестве Финляндском газете «Hufudstadsbladet», не говоря уже о сообщении Тихомирова в «Вестнике “Народной воли”». Там же, ф. 815, оп. 1, д. 300, л. 1; ф. 102, оп. 2, 1-е делопроизводство, 1882 г., д. 231, л. 2. 47. Тихомиров Л. В мире мерзости запустения (по поводу казни Судейкина) // Вестник «Народной воли». 1884. № 2. 2-я пагинация. С. 96–99

^[2] Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 154-155.

^[3] Из а р х и в а Л. Тихомирова. КА 1924 т. 6., с 176

^[4] Воспоминания Л.Тихомирова

ФРАГМЕНТ 11

На основании тех источников, которые уже были введены в оборот, и тех, которые мы вводим в настоящей работе, дать окончательные вопросы на ключевые вопросы о дегаевщине невозможно. Допустимы только более вероятные версии произошедшего.

Между тем, где-то а архивах хранятся два ключевых источника.

Во-первых это письменные «показания» Дегаева, данные им скорее всего после ареста в Одессе в 1883 году. Они были предъявлены на предварительном следствии по «Процессу 14-ти» в сентябре 1884, но в обвинительное заключение не вошли. В.Н. Фигнер ходатайствовала о прочтении показаний Дегаева. «Она заявила, что она имела ввиду те показания, которые были предъявлены ей при дознании генерал-майором Середой и в которых изложены были сведения о деятельности многих ее товарищей по обвинению. Председатель объявил, что этих показаний в деле нет. Подсудимые Штромберг и Ашенбреннер заявили, что им также предъявлялись эти показания, а Василий Иванов добавил, что в предъявленном ему при дознании показании Дегаева было упомянуто, что Дегаев слышал от Фигнер, что он, Иванов, был освобожден из тюрьмы офицером Тихоновичем»^[1]

Николай Рогачев сказал на процессе: «из показаний негодяя Дегаева я понял, что это торговец, который предавал своих товарищей и сообщников судя по ценности каждой головы»^[2]

Список выданных Дегаевым пополюсья с момента его ареста и вплоть до убийства Судейкина. По косвенным данным его восстановила М. А. Панькина^[3]. Остались ли какие-нибудь записи у Судейкина? Куда его архив делся после смерти?

Второй, еще более ценный неразрысканный источник – «ведомость», составленная Дегаевым в Париже во время народовольческого суда над ним.

Указания об этой ведомости находим в работах С.Н. Валка середины 1920-х годов. «Показания» Дегаева – та тетрадь его признаний, которая была им написана после убийства Судейкина, когда Дегаев явился в Париж, где был устроен суд над ним. Тетрадь эта сохранилась до наших дней. Уничтожив свой парижский архив перед отъездом в Россию, Тихомиров ее захвати однако с собою. В 1906 он передал ее В.Бурцеву, который опубликовал из нее лишь некоторые отрывки.»^[4]

Или: «В записях, которые Дегаев сделал после своего побега за границу вслед за убийством Судейкина, находим следующую заметку о филере Зарудном: « довольно интеллигентный, так что Скедейкин думал приказать ему открыться Якубовичу и предложить свои услуги революционерам». Отрывок копии этих заметок имеется в Музее Революции СССР. Впрочем эта копия возбуждает ряд сомнений , которые возможно разрешить, лишь имея подлинник».^[5]

^[1] «Мы не террористы»: «Записки для памяти» о процессе 14-ти 1883 г. / публ. Н.А. Троицкого // Исторический архив. 2000. № 1. С. 201.

^[2] Там же\С. 210

^[3] Панькина М.А. Ночь после битвы. М. 2018, с.115 -126.

^[4] К истории процесса 21. (Письма и показания П. Ф. Якубовича, публ. С. Н. Валка), «Красный Архив», 1930, т. 1 (38), с Та же, с. 164

^[5] К истории процесса 21, с. 130, 135.